

МРНТИ 16.41.35

DOI: [10.59102/kufil/2024/iss4pp48-59](https://doi.org/10.59102/kufil/2024/iss4pp48-59)

А.Е. Андирова¹, А.К. Каиржанов¹

¹Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, 010008, Республика Казахстан

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АФФИКСОВ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы происхождения аффиксов принадлежности в древнетюркском языке. Данные аффиксы генетически тождественны с общетюркскими средствами деривации, отличающие их от других языков, прежде всего, тем, что они обладают неотчуждаемыми свойствами принадлежности, присущими только для тюркского мироощущения древнейшей поры. Целью исследования является анализ проблем происхождения и функционирования аффиксов принадлежности в древнетюркском языке и их роли в грамматической системе языка. Аффиксы принадлежности тюркского языка анализируются в диахроническом аспекте, при помощи следующих методов: сравнительно-исторический, компаративный и контекстно-типологический. На эмпирическом материале памятников рунической письменности выявляется природа происхождения и функционирования аффиксов принадлежности в древнетюркском языке. В результате было установлено, что аффиксы принадлежности имеют глубокие пратюркские корни и сохраняли свои основные формы и функции на протяжении веков. Основные результаты включают подтверждение ключевых функций аффиксов принадлежности: выражение отношений обладания, идентификация и уточнение объектов, а также грамматическое согласование. Эти функции играли важную роль в обеспечении когерентности и точности коммуникации. Значимость результатов исследования заключается в углублении понимания эволюции тюркских языков и их морфологических особенностей. Исследование также открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области исторической и сравнительной лингвистики, позволяя выявить общие тенденции в развитии языков мира.

Ключевые слова: посессивность, аффиксы принадлежности, руническая письменность, праформа, синтетизм.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В тюркских языках аффиксы играют важную роль в образовании слов и выражении различных значений, включая посессивы. Посессивы – это грамматические конструкции, выражающие принадлежность или отношение одного объекта к другому. Аффиксы принадлежности в тюркских языках происходят от древних притяжательных морфем. В древнетюркский период эти морфемы были свободными словами, но в ходе языковой эволюции они превратились в аффиксы. Категория принадлежности рассматривалась в ранних грамматических исследованиях, относящихся к XIX и началу XX-го столетия (в трудах А.К. Казем-Бека, О. Бётлингга, Н.И. Ашмарина, П.М. Мелиоранского, Н.Ф.Катанова). Происхождение лично-притяжательных аффиксов было предметом изучения целого ряда исследователей тюркских языков, таких как О. Бетлингк, Б.А. Серебренников, В.М. Насилов, Э.В. Севортян, С. Кудайбергенов, К. Назаров, И. Суяров, А.М. Щербак и др.

В современных научных исследованиях наблюдается тенденция к изучению процессов словообразования в тюркских языках. Например, Л. Йохансон в своей работе «Turkic» выделяет два типа аффиксов: местоименного и притяжательного [1, 456]. В России и Казахстане иницированы несколько проектов для изучения тюркских языков. Так, в рамках проекта «Шорика» тюрколога Э. Марсель исследовались различные уровни языка, включая

словообразование тюркских языков Южной Сибири. Для морфологического анализа шорского языка была создана автоматизированная система. Морфологический анализ проводился на основе словаря аффиксальных морфем и шорско-русско-английского справочника, которая позволяла исследователям вручную выбирать подходящее значение лексемы и аффикса, соответствующее анализируемой грамматической форме. Разбивка словоформы на морфемы, определение их грамматического класса и перевод на русский и английский языки осуществлялись автоматически. Другой международный проект «Чалканика», который во многом следовал шорскому образцу, привел к публикации ряда работ, включая первый том исследований по чалканскому языку, изданный в Федеративной республике Германия. Другой значимый проект, «Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане», реализованный Свободным университетом Берлина и Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева в Астане, под руководством с немецкой стороны И. А. Невской, К.Шёнинг, с казахстанской стороны С. Ж. Тажибаевой, Н. Г. Шаймердиновой, сосредоточился на социолингвистических данных и анализе аккультурации, возникшей в результате продолжительного контакта и проживания тюркских и славянских народов на одной территории. Исследовались язык турков-ахыска и особые случаи словообразования в этом языке.

Эти проекты также способствовали активному изучению категории принадлежности в тюркских языках на материале телеутского, чулымско-тюркского, башкирского, якутского и других тюркских языков. Однако, остаётся открытым вопрос о систематизации знаний о происхождении и функционировании аффиксов принадлежности в тюркских языках. По данной причине в данной статье мы пытаемся заполнить этот пробел в изучении категории принадлежности в тюркских языках, опираясь на исследования предшественников.

ВВЕДЕНИЕ

Принадлежность, выраженная глаголами, обычно подразумевает значение, выражаемое такими глаголами, как иметь и обладать, т. е. глаголами, изначально имеющими значение принадлежности. Во многих языках притяжательные отношения выражаются с помощью притяжательных местоимений. Например, в большинстве европейских языков притяжательные местоимения выражают притяжательное отношение. При изучении языков других систем выяснилось, что во многих из них притяжательное значение выражается с помощью специальных показателей-аффиксов [2, 370–391], которые могут присоединяться к глаголу как в виде префиксов (енисейские языки), так и в виде суффиксов (тюркские языки). Установлено, что оба происходят от личных местоимений, что послужило исходной основой для формирования лично-притяжательных показателей глаголов и существительных. В некоторых языках признаки принадлежности следуют за глаголом и совпадают с личными местоимениями [3]. Во многих языках при спряжении глагола используются две группы личных предикативных показателей (личных окончаний). Нередко показатели принадлежности и предикации совпадают, например, приставки и суффиксы у глаголов и существительных. Лично-притяжательные аффиксы именительного падежа существительных структурно полностью тождественны личному форманту глагола в субъект-объектном спряжении изъявительного наклонения, но существенно отличаются по функции. Первые выражают принадлежность предмета человеку или другому предмету, а вторые характеризуют переход действия субъекта на тот или иной предмет.

Особенностью тюркских языков является то, что принадлежность выражается аффиксами принадлежности. Аффиксы принадлежности являются важным элементом в структуре тюркских языков, они выполняют значимые функции в обозначении принадлежности и грамматических отношений. Понимание их происхождения и эволюции в древнетюркском языке позволяет установить более точные связи между древними и современными тюркскими языками. Это исследование имеет не только теоретическое значение для сравнительно-исторического языкознания, но и практическое значение для

реконструкции древних форм языка, создания более точных словарей и грамматик древнетюркского языка.

В тюркских языках аффиксы принадлежности обычно добавляются к основе слова и образуют новые слова с конкретным значением принадлежности. Они могут указывать на принадлежность к определенной группе людей, семье, месту или обозначать владение или отношение. Происхождение этих аффиксов связано с историческим развитием тюркских языков и их взаимодействием с другими языками и культурами. Аффиксы принадлежности занимают центральное место в морфологической структуре тюркских языков, выполняя ключевые функции в выражении грамматических отношений. Несмотря на значительное количество исследований, вопросы происхождения и эволюции аффиксов принадлежности в древнетюркском языке остаются недостаточно изученными. Исследование данной темы позволяет не только углубить наши знания о древнетюркской морфологии, но и выявить закономерности, способные пролить свет на процессы языкового изменения и взаимодействия. Целью данного исследования является анализ проблем происхождения и функционирования аффиксов принадлежности в древнетюркском языке. Задачи данного исследования:

- провести обзор существующих исследований по теме аффиксов принадлежности в древнетюркском языке.
- собрать и проанализировать корпус древнетюркских текстов с целью выявления аффиксов принадлежности.
- исследовать историческое развитие аффиксов принадлежности путем сравнения с аналогичными формами в тюркских языках в исторических периодах.
- определить функциональные изменения аффиксов принадлежности в процессе их исторической эволюции.

Объектом исследования являются аффиксы принадлежности в древнетюркском языке. Предметом исследования является происхождение, структура и функции аффиксов принадлежности в древнетюркском языке. Предполагается, что аффиксы принадлежности в древнетюркском языке имеют сложное происхождение, включающее как внутренние процессы языковой эволюции, так и внешние влияния других языков. Результаты данного исследования будут полезны для лингвистов, занимающихся тюркологией и сравнительно-историческим языкознанием. Исследование аффиксов принадлежности в древнетюркском языке поможет лучше понять процессы морфологической и семантической эволюции в тюркских языках, а также внесет вклад в реконструкцию древних языковых форм и развитие теории морфологии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опиралось на работы известных лингвистов и тюркологов, занимающихся функционально-семантической грамматикой, и проводилось на основе научного анализа источников, посвященных этой теме. Написанию работы в значительной степени способствовало изучение научных исследований выдающихся тюркологов, в числе которых были Ш. Х. Акбаев, И. Х. Ахматов, Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, Н. К. Дмитриев, Дж. Г. Киекбаев, А. Н. Кононов, К. М. Мусаев, Э. Р. Тенишев, А. А. Юлдашев, Т. Текин, Л.Йоханнсон, З. Коркмаз и др. Важную роль в изучении категории принадлежности сыграли труд отечественного автора К. Сарткожаулы «Орхон ескерткіштерінің толық атласы: 1 том» и труд зарубежных авторов Э. Йылмаз и Н. Демир «Т. Tekin: Makaleler I Altayistik». В Атласе К. Сарткожаулы представлены обобщенные исследования многих ученых, которые более столетия занимались изучением различных аспектов Орхонских памятников и предложены новые транскрипции и интерпретации текстов, которые мы подвергаем анализу в нашей статье [4]. В труде авторов Э. Йылмаз и Н. Демир «Т. Tekin: Makaleler I Altayistik» рассмотрены все грамматические категории тюркских языков начиная с древнетюркского периода до современности. На основе примеров, взятых из данного труда, мы провели сравнительный

анализ аффиксов принадлежности тюркских языков в исторических периодах [5]. Для подтверждения предложенных гипотез использовались конкретные текстовые примеры из древнетюркских корпусов, включая:

- примеры из Орхонских памятников: извлечения текстов, содержащих использование аффиксов принадлежности в различных контекстах.

- корпусные аннотации и транскрипции: подробные аннотации и транскрипции текстов для точного анализа морфологических и синтаксических характеристик.

Для достижения поставленной цели использовались сравнительно-исторический, компаративный и контекстно-типологический методы в рамках диахронического подхода. Первый метод, который включал в себя сравнение древнетюркских аффиксов с аналогичными формами в других тюркских языках с целью реконструкции их первоначальных форм и функций, позволил выявить происхождения аффиксов принадлежности в древнетюркском языке. Проведен компаративный анализ древнетюркских аффиксов принадлежности с аналогичными морфологическими элементами в тюркских языках в исторических периодах. Это позволило выявить устойчивые и изменчивые черты в их развитии. Третий метод включал в себя изучение употребления аффиксов принадлежности в различных синтаксических и лексических контекстах для выявления особенностей их функционирования и взаимодействия с другими морфологическими элементами.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Аффиксы принадлежности возникли в тюркских языках ещё в древние времена и сегодня изучаются в тюркологии как одна из ключевых грамматических категорий, связанная с идеей принадлежности. Эту категорию в своё время подробно исследовал Н. К. Дмитриев, который отметил, что притяжательная форма состоит из двух основных элементов: предмет (объект обладания) и имя обладателя (посессора) [6].

Согласно Н. К. Дмитриеву, категория принадлежности выражается в следующих формах:

1. Морфемный способ, где аффиксы принадлежности добавляются к основе слова.
2. Морфолого-синтаксический способ, который предполагает одновременное использование аффиксов и притяжательных местоимений либо применение изафетной конструкции.
3. Синтаксический способ, где притяжательные местоимения используются только с именами собственными или при упоминании хорошо известного предмета или человека.

Существует две гипотезы относительно происхождения аффиксов принадлежности в тюркских языках. Согласно первой гипотезе, аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям лица, а предикативные показатели – к личным и лично-указательным местоимениям, то есть аффиксы принадлежности являются «ослабленными формами личных местоимений». Данную гипотезу поддержали Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортьян, К. Назаров, А. М. Щербак и др. Вторая гипотеза согласно исследованиям Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой аффиксы принадлежности и предикативности параллельно восходят к личным и лично-указательным местоимениям. При этом лично-предикативная парадигма глагольных форм в условном наклонении и определенном прошедшем времени и лично-притяжательная парадигма формируют одну линию развития, в то время как другие предикативные аффиксы представляют собой отдельную линию в становлении языка. В труде под названием «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» приводится наиболее принятая исследователями точка зрения А. М. Щербака касательно «ослабленных форм личных местоимений», и первая система аффиксов принадлежности была представлена следующим образом:

Таблица 1. Первая система аффиксов принадлежности

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	+m, +im // +im <i>at+im (моя лошадь)</i> <i>ata+m (мой отец)</i>	+bız // +biz, +ıbız // +ıbiz <i>at+ıbız “наша лошадь”;</i> <i>ata+bız “наш отец”</i>
2 лицо	+η, +ıη // +ıη +ğ, +ığ // +ıg <i>at+ıη; at+ığ (твоя лошадь)</i> <i>ata+η ata+ğ “твой отец”</i>	+ ηız // + ηız, +ıηız // +ıηız +ğız // +gız, +ığız // +ıgız <i>at+ıηız “ваша лошадь” at+ığız;</i> <i>ata+ηız “vauı отец” ata+ğız</i>
3 лицо	+ı, +i, +sı // +sı <i>at+ı “ego/ eë лошадь”;</i> <i>ata+sı “ego/ eë отец”</i>	+ı, +i, +sı // +sı <i>at+ı “ux лошадь”;</i> <i>ata+sı “ux отец”</i>

В более поздние периоды первая схема претерпела некоторые изменения. А. М. Щербак признал, что аффиксы принадлежности состоят из маркеров именительного падежа, а эти маркеры именительного падежа состоят из личных и лично-указательных местоимений. По его мнению, систему аффиксов принадлежности следует рассматривать следующим образом:

Таблица 2. Система аффиксов принадлежности, предложенная А. М. Щербаком

1 лицо	+m <men	+bız ~ +mız <+biz <pis
2 лицо	+η <sen	+ηız <sız <sis
3 лицо	+ı(n) ~ +i(n) <+ın ~ +in	

В древнетюркском языке постпозитивные местоимения развивались, проходя через постепенное сокращение лексического значения и усиление формально-грамматического значения. Этот процесс сопровождался утратой острого ударения в речи. Сокращение местоимений происходило по-разному: аффиксы принадлежности первого и третьего лица соответствуют первым звукам местоимений первого и третьего лица [me(n)> +m; i(n)~i(n)>-ı~i]; аффиксы принадлежности второго лица соответствует последнему звуку местоимения второго лица [se(n)> η]. Местоимения первого и второго лица образуют множественное число с помощью +z, и такая же ситуация наблюдается с аффиксами принадлежности. Аффиксы принадлежности в тюркских языках постепенно исчезали, превращаясь в односложные притяжательные морфемы, соблюдая законы гармонии гласных в соответствии с их агглютинативной природой.

Интересным явлением является появление вспомогательных звуков /n/ и /s/ перед аффиксом принадлежности 3-го лица. При спряжении существительных с аффиксами принадлежности 3-го лица некоторые лингвисты связывают появление вспомогательного звука /n/ перед аффиксами принадлежности с происхождением аффикса принадлежности 3-го лица. Одним из лингвистов, отстаивающих эту точку зрения, является Талат Текин. По мнению Текина, аффикс принадлежности 3-го лица на самом деле является ничем иным, как местоимением 3-го лица *an*. Текин также считает вспомогательный звук /s/, появляющийся перед аффиксом принадлежности 3-го лица, фонемой, относящейся к корню или основе слова. Утверждая, что она добавляется перед аффиксом принадлежности в результате орфографического или неправильного решения, он объясняет эту ситуацию следующим образом: «В монгольском языке суффикс множественного числа -s (например, *aga-s* «старшие братья», *yeke-s* «старейшины», *eme-s* «женщины» и т.д.), добавляемый к именам родства, оканчивающимся на гласную, возможно, существовал в древнетюркском языке: *ini-s* «младшие братья», *eçi-s* «старшие братья», *eke-s* «старшие сестры» и т. д. При добавлении аффикса принадлежности 3-го лица к таким существительным, имеющим суффиксы множественного или собирательного числа, морфема /s/ могла не опуститься и быть

прибавлена к аффиксам принадлежности: *inis-i* > *ini-si*, *eçis-i* > *eçi-si*, *ekes-i* > *eke-si* и т.д. Учитывая эти соображения, мы придерживаемся мнения, что морфема /s/, которая возникает перед аффиксом принадлежности 3-го лица, на самом деле является остатком суффикса множественного числа -s, который присутствовал как в прототюркском, так и в монгольском языках, но позже вышел из употребления...» [5, 118–121].

По мнению А. М. Щербака, все значения, окружающие понятие притяжательности, являются результатом долгого и сложного развития сочетаний вида «*men-kişi-men* (я-личность-я)» или «*biz-kişi-biz* (мы-личность-мы)». В своей теории А. М. Щербак указывает, что изначально повторение личных местоимений в таких сочетаниях служило для создания взаимного интереса и установления связи между сторонами в коммуникации. Однако, по мере развития языка, эти сочетания стали использоваться для выражения различных ситуаций, связанных с конкретными лицами или отношениями между предметами.

А. М. Щербак также отмечает, что с развитием времени и языка, эти структуры приобрели специфические значения и стали особенностями языка. Например, структура «я есть я», «я есть человек» привела к развитию выражений типа «у меня есть человек», «мой человек». Это специализированное развитие структур и соответствующая специализация их форм стали характерными чертами притяжательности в тюркских языках. Однако, не все исследователи придерживаются данной теории. Они утверждают, что система аффиксов принадлежности сформировалась задолго до формирования родительного падежа. Они указывают, что в некоторых тюркских письменных памятниках личные местоимения могут использоваться в роли вспомогательного глагола «быть», но никогда не появляются в функции притяжательных местоимений, таких как «мой», «твой» и т. д. Эти исследователи считают, что аффиксы принадлежности возникли и развились независимо от личных местоимений и имели свою собственную эволюцию. Это мнение подтверждается примерами из якутского языка. В якутском языке нет падежа, но есть сочетания такие как «мин атым» (мой конь), где личное местоимение четко выражает значение притяжательного местоимения «мой».

В.В. Радлов считает появление аффиксов принадлежности результатом изменения местоимений с самостоятельной семантикой, а Э.В. Севортян же говорит о том, что среди аффиксов принадлежности можно обнаружить следы происхождения формы 1-го лица множественного числа *myz//byz* от местоимения *biz//miz* «мы» «*men-человек-men*», «*biz-человек-biz*» (1-е лицо множественного числа), происхождение же других притяжательных форм неясно. Точку зрения о происхождении аффиксов принадлежности из личных окончаний поддерживают М. Ряснен, Г. И. Рамстедт, А. И. Кононов, А. М. Щербак, В. Котвич и другие ученые. К. Брокельман считает аффиксы принадлежности сокращенными формами, энклитикой местоимений в родительном падеже. Таким образом, мы видим, что ученые не отрицают того, что личные местоимения были основой для формирования аффиксов принадлежности.

Аффиксы принадлежности в древнетюркском языке практически такие же, как и сегодня. Единственная фонетическая разница заключается в том, что во втором лице звук /ŋ/ палатальный, а не зубной. Поскольку в древнетюркском языке нет множественного числа, в нем нет отдельного аффикса принадлежности для третьего лица; аффикс принадлежности 3-го лица может выражать как единственное, так и множественное число. Примеры с аффиксами принадлежности приведены ниже [7, 184].

Таблица 3. Слова с аффиксами принадлежности в древнетюркском языке

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	+ (X)m <i>ini+m</i> (мой младший брат) <i>il+im</i> (моя страна) <i>kaŋ+im</i> (мой отец) <i>ög+im</i> (моя мать)	+ (X)mXz <i>Türk+imüz</i> (наш тюркский народ) <i>kaŋ+imiz</i> (наш отец) <i>eçi+miz</i> (наш дядя) <i>il+imiz</i> (наша страна)
2 лицо	+ (X)ŋ	+ (X)ŋXz

	<i>og(u)l+ıñ (твой сын)</i> <i>kan+ıñ (твой отец)</i> <i>süñük+üñ (твоя кость)</i>	<i>oglan+ıñız (ваш сын)</i> <i>taugun+ıñız (ваши сыновья)</i>
3 лицо	+s(I) <i>sab+ı (его/ее/их слово)</i> <i>agi+sı (его/ее/их дар)</i> <i>sü+sı (его/ее/их войско)</i> <i>yağı+sı (его/ее/их враг)</i>	

В тюркских языках аффиксы принадлежности идут после аффиксов множественного числа и перед падежными аффиксами. Однако в древнетюркском языке, согласно А. Габаину, «аффиксы множественного числа иногда использовались после аффиксов принадлежности»: *bolmuş+ıñız+lar* (вы были), *bul-tuñız+lar* (вы нашли), *käl-tiñız+lär* (вы остались), *tawar+ıñız+lar* (ваше имущество) [8, 128]. Подобная ситуация, которая встречается у слов, образованных с аффиксами принадлежности 2-го лица, наблюдается также среди современных тюркских языков, а именно в кыргызском и новотуркменском языках: *+ñızdar*, *+ñızder*, *+ñızdor*, *+ñızdör*; *+ñlar*, *+ñlar* [9, 507]. Для чувашского языка характерно, что аффикс множественного числа предшествует аффиксам принадлежности: *tusımset* (мои друзья), *yıhsen ruşlıhısem* (руководители групп) [9, 512]. В турецком и казахском языках аналогичная последовательность встречается в терминах родства с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа: тур. *annemler/annenler* (моя/твоя мать и все, кто с ней), *dayımlar/dayınlar* (мой/твой дядя и все, кто с ним), *teyzemler/teyzenler* (моя/твоя тётя и все, кто с ней); каз. *апамдар* (моя сестра и все, кто с ней), *ағаңдар* (твой брат и все, кто с ним), *атамдар* (мой дед и все, кто с ним).

С другой стороны, существуют особые ситуации во взаимоотношениях аффиксов принадлежности, особенно аффиксов принадлежности 3-го лица, с падежными аффиксами, следующими за ними. Например, в древнетюркском языке слова с аффиксами принадлежности получают другой аффикс винительного падежа, в отличие от слов без аффиксов принадлежности. Рассмотрим следующие примеры:

- аффикс винительного падежа стоит в форме *+(I)n* после аффиксов принадлежности: *sabım+ın eşitgil* (слушайте мое слово), *kanıñ+ın kodur içikdiñ* (вы покинули правителя и стали пленниками), *eligi+n tuttı* (держал за его/ее руку), *içi+n taşı+n urturtım* (я расписал внутри и снаружи). После слов, не имеющих аффикса принадлежности, идет аффикс *+(X)g*: *bodım+ıg bay kiltım* (я обогатил нацию), *kışı+g yoritmaz ermiş* (не повел людей), *sab+ıg alıp* (взяв слово). После указательных и личных местоимений идет аффикс *+nI*: *bu+ni* (это), *a+ni* (то), *biz+ni* (нас). После личных местоимений «я» и «ты» опускается */n/*: *binı* (меня), *sini* (тебя) [7, 185].

- аффикс дательного падежа *+ka* (*yazı+ka* (к равнине), *Temir kapıg+ka* (к Железным воротам), *kağan+ka* (правителю) после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа идет в форме *+A*: *Türküt+e* (моему тюркскому народу), *bodımıt+a* (моему народу), *kağanıt+a* (моему правителю), *kağanıñ+a* (моему правителю), *ebiñ+e* (к моему дому). Используется аффикс дательного падежа *+ña* после аффиксов принадлежности 3-го лица (*yiri+ña* (к его месту), *sabı+ña* (его слову), *agısı+ña* (его дару), *başı+ña* (его голове). Аналогичная ситуация наблюдается и в отношениях между аффиксом принадлежности 3-го лица и аффиксами исходного и предложного падежей. Потому что, когда эти аффиксы идут после аффикса принадлежности 3-го лица, появляется вспомогательная буква */n/*: *töpi + si + n +te* (на вершине) [7, 185]. Образование */n/* между аффиксами принадлежности 3-го лица и падежными аффиксами происходит в тех же контекстах в современном турецком и казахском языках.

Помимо образования притяжательных именных групп в древнетюркском языке, аффиксы принадлежности также используются в спряжениях глаголов и герундиях. Можно сказать, что исследователи в целом сходятся во мнении, что личные суффиксы, особенно в определенном прошедшем времени, имеют притяжательное происхождение.

А. Габаин утверждает, что в спряжении определенного прошедшего времени глагол превращается в существительное с помощью $-(X)t$, а лица выражаются путем добавления к этой именной основе аффиксов принадлежности, таких как $-t+(X)m$; $-t+(X)\eta/-t+(X)\acute{g}$; $-t+i$; $-t+(X)m(X)z$; $-t+\eta(X)z/-t+\acute{g}(X)z$; $-t+i$ и $-t+i\text{lar}$ [8, 80].

М. Эргин также утверждает, что аффиксы принадлежности являются именными аффиксами и что форма прошедшего времени должна быть существительным. Однако М. Эргин утверждает, что «эти аффиксы второго типа использовались только в прошедшем времени в древнетюркском языке. В западнотюркском, помимо прошедшего времени, условный залог также был образован с этими аффиксами» [10, 287]. В отличие от теории М. Эргина, А. Эрджиласун утверждает, что аффиксы принадлежности ($-m$, $-\eta\sim-g$, $-\emptyset$, $-mXz$, $-\eta Xz\sim gXz$, $-\emptyset$), использовались в спряжении будущего времени с аффиксом $+sIk$ в древнетюркском языке [7, 186]. А. Габаин обращает внимание на то, что аффиксы $+miz$ в склонениях *kel-teci+miz* (мы придем, мы должны прийти), *bar-ir+miz* (мы пойдём), являются аффиксами притяжательного происхождения. А. Габаин также обращает внимание на использование аффиксов принадлежности в деепричастиях с такими примерами, как *kel-miṣ+imiz+de* (когда мы пришли); *kemiṣ-miṣ+iṣiz+ke* (когда вы ушли) [8, 69].

ОБСУЖДЕНИЕ

Выводы, к которым мы пришли на основе собранной информации, можно перечислить следующим образом.

Исследование выявило, что аффиксы принадлежности древнетюркского языка прошли долгий путь развития, сохраняя при этом свои основные функции и формы. Аффиксы принадлежности играли ключевую роль в обеспечении когерентности и точности коммуникации. Их использование для выражения обладания, идентификации и грамматического согласования подчеркивает их значимость в структуре языка. Особенно важно отметить, что эти функции сохранялись и развивались на протяжении долгого времени, что свидетельствует о их фундаментальной роли в языке.

Хотя аффиксы принадлежности в древнетюркском языке время от времени претерпевали различные фонологические изменения, в других исторических периодах они использовались одинаково. Фонологические различия аффиксов принадлежности, которые являются основными посессивными маркерами, в исторических периодах представлены в таблице ниже:

Таблица 4. Аффиксы принадлежности в тюркских языках в исторических периодах

		Единственное число	Множественное число
Аффиксы принадлежности в древнетюркском периоде	прототюркский	$+(i, i, u, \ddot{u})m$	$+(i)miz/+(i)miz,$ $+(u)muz/+(u)müz$
		$+(i, i, u, \ddot{u})\eta$ иногда $+g/+g$	$+(i)\eta iz/+(i)\eta iz,$ $+(u)\eta uz/+(u)\etaüz;$ иногда $+(i)\acute{g}iz/+(i)\acute{g}iz,$ $+(u)\acute{g}uz/+(u)\acute{g}üz;$ $+(i)\eta izlar/+(i)\eta izler,$ $+(u)\eta uzlar/+(u)\etaüzler$
		$+(s)l/+(s)i$	$+(s)l/+(s)i$
	уйгуро-тюркский	$+(i, i, u, \ddot{u})m$	$+(i)miz/+(i)miz,$ $+(u)muz/+(u)müz;$ $+(a)maz/+(e)mez$
		$+(i, i, u, \ddot{u})\eta$	$+(i)\eta iz/+(i)\eta iz,$ $+(u)\eta uz/+(u)\etaüz;$ $+(a)\eta az/+(e)\eta ez$
		$+(s)l/+(s)i$	$+larl/lerl; +(s)l/+(s)i$

Аффиксы принадлежности в период Средневековья	караханидский	+ (i, i, u, ü)m	+(i)mız/+(i)miz, +(u)muz/+(ü)müz
		+ (i, i, u, ü)η	+(i)ηız/+(i)ηiz, +(u)ηuz/+(ü)ηüz
		+(s)ı/+(s)ı	+ları/+leri; +(s)ı/+(s)ı
	хорезмийский	+ (i, i, u, ü)m	+(i)mız, +(i)miz, +(u)muz/+(u)mız, +(ü)müz/+(ü)miz
		+ (i, i, u, ü)η	+(i)ηız/+(i)ηiz, +(u)ηuz/+(u)ηız, +(ü)ηüz/+(ü)ηiz
		+(s)ı/+(s)ı, иногда +(s)u/+(s)ü	+ları/+leri; +(s)ı/+(s)ı
	кыпчакский	+ (i, i, u, ü)m	+(i)mız/+(i)miz, +(u)muz/+(ü)müz
		+ (i, i, u, ü)η иногда n	+(i)ηız/+(i)ηiz, +(u)ηuz/+(ü)ηüz
		+(s)ı/+(s)ı, иногда +(s)u/+(s)ü	+ları/+leri; +(s)ı/+(s)ı
	чагатайский	+ (i, i, u, ü)m	+(i)mız/+(i)miz, +(u)muz/+(ü)müz
		+ (i, i, u, ü)η	+(i)ηız/+(i)ηiz, +(u)ηuz/+(ü)ηüz
		+(s)ı/+(s)ı	+ları/+leri; +(s)ı/+(s)ı
	староогузский	+ (u, ü)m	+(u)muz/+(ü)müz
		+ (u, ü)η	+(u)ηuz/+(ü)ηüz
		+(s)ı/+(s)ı, иногда +(s)u/+(s)ü (в конце периода)	+ları/+leri; +(s)ı/+(s)ı
Аффиксы принадлежности в новотюркском периоде	османский	+ (i, i, u, ü)m	+(i)mız, +(i)miz, +(u)muz, +(ü)müz
		+ (i, i, u, ü)n (в письме обозначается буквой каф)	+(i)nız, +(i)niz, +(u)nuz/+(ü)nüz (в письме обозначается буквой каф)
		+(s)ı/+(s)ı, +(s)u/+(s)ü	+ları/+leri; +(s)ı/+(s)ı

По таблице:

1. В аффиксах принадлежности в основном использовались узкие гласные.
2. В аффиксальных согласных единственное изменение/дифференциация произошло во 2-м лице единственного и множественного числа. Чередование /η/~/ğ/, которое изначально наблюдалось во 2-м лице (в прототюркском), взяла форму /η/. Однако, в некоторых современных тюркских языках формы с /ğ/ предпочтительнее во 2-м лице множественного числа: алтайский +(I)gAr, якутский +ğIt, татарский +(i)gız/+(é)géz, башкирский +(I)ğız, карачаево-балкарский +(I)ğız, кумыкский +(i)ğız.
3. Чередование /η/~/n/ в кыпчакском и османском языках привело к появлению /η/ в современных тюркских языках кыпчакской группы, и /n/ в диалектах юго-западной группы, таких как турецкий, азербайджанский и гагаузский языки.
4. Использование двойных форм множественного числа [(i)ηızlar/+(i)ηızler, +(u)ηuzlar/+(ü)ηüzler], которые первоначально появляются во 2-м лице множественного числа, было ограничено в исторических и современных диалектах, и такое использование продолжается в кыргызском и казахском языках: +(I)ηIzdAr.
5. Аффиксы принадлежности в большинстве случаев не употребляются в словосочетаниях, образованных с именами собственными: *Türk bodun* (Тюркский народ), *Tabgaç bodun* (Китайский народ), *Türk begler* (Тюркские беи), *Ötüken uş* (лес/плато Отюкен), *Çoğay uş* (лес Чогай), *Yarış yazı* (равнина Ярыш), *Şantıñ yazı* (равнина Шантун).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования и обобщения ряда работ, посвященных изучению категории принадлежности, мы пришли к следующему заключению.

Аффиксы принадлежности в древнетюркском языке представляют собой важную и многогранную морфологическую категорию, глубоко укорененную в пратюркских формах и развитую в контексте межъязыковых контактов. Исследование их происхождения показало, что эти аффиксы сохранили свои основные формы и функции на протяжении веков. Функции аффиксов принадлежности в древнетюркском языке включали выражение отношений обладания, идентификацию и уточнение объектов, а также грамматическое согласование. Эти функции способствовали когерентности и точности коммуникации, что подчеркивает их фундаментальную роль в языке. Адаптация и заимствование новых форм и функций свидетельствуют о гибкости и способности древнетюркского языка интегрировать внешние элементы, что обогатило его морфологическую систему. В древнетюркском языке аффиксы принадлежности отражают способ мышления тюркского человека и грамматически репрезентируется при помощи лица и числа субъекта обладания. Эта грамматическая категория отображает взаимоотношения между субъектом и объектом владения, которое может выразить также и число объекта. Формы принадлежности определяются фонетическими особенностями системы согласных и гласных звуков, схваченные закономерностями агглютинации языка и законом сингармонизма. Помимо выражения владения и собственности, эти аффиксы, в зависимости от семантических групп, с которыми они сочетаются, таких как родственные термины, числительные, обращения к какому-нибудь лицу, обозначение частей тела, предметы быта, абстрактные понятия и пространственные отношения, выражают разнообразные связи между предметами или людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Johanson L. *Turkic*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 1084 p.
- 2 Csato E. A., Johanson L. *The Northwestern Turkic (Kipchak) languages. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 370–391.
- 3 Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia. Studies in Language Companion Series*, 206. – Amsterdam: John Benjamins, 2019. – 405 p.
- 4 Сарткожаулы К. Орхон ескерткіштерінің толық атласы: 1 том. – Алматы: Қазақ кітабы, 2023. – 556 с.
- 5 Tekin T. *Makaleler I Altayistik, haz. Emine Yılmaz ve Nurettin Demir*. – Ankara: TDK Yayınları, 2023. – 320 p.
- 6 Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: АН СССР, 1956. – 335 с.
- 7 Ercilasun A. B. *Başlangıçtan Yirminci Yüzyıla Türk Dili Tarihi*. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2020. – 488 p.
- 8 Gabain A. V. *Eski Türkçenin Grameri, çev. Mehmet Akalın*. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2017. – 313 p.
- 9 Schaaik G. J. van. *The Oxford Turkish Grammar*. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 784 p.
- 10 Ergin M. *Türk Dil Bilgisi*. – İstanbul: Bayrak, 2020. – 407 p.

Материал поступил в редакцию журнала 25.07.2024

Көне Түркі тіліндегі тәуелділік жалғауларының шығу тарихы мен қызметі мәселелері

А.Е. Андирова¹, А.К. Каиржанов¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, 010008, Қазақстан Республикасы

Ұсынылған мақалада ежелгі түркі тіліндегі тәуелділік жалғаулардың шығу тарихы мәселелері қарастырылады. Бұл аффикстер түркі халықтарының ортақ туынды сөз құралдарымен генетикалық жағынан сәйкес келгенімен, оларды басқа тілдерден ерекшелендіретін, ең алдымен, олардың ең көне дәуірдегі түркі дүниетанымына ғана тән ажырамайтын тиесілік қасиеттері бар. Зерттеудің мақсаты ежелгі түркі тіліндегі тәуелділік жалғаулардың пайда болуы мен қолданылу мәселелерін және олардың тілдің грамматикалық жүйесіндегі ролін талдау болып табылады. Түркі тілінің тәуелділік жалғаулары диахрондық аспектіде, салыстырмалы-тарихи, салыстырмалы және контекстік типологиялық әдістер арқылы талданады. Руникалық жазба ескерткіштерінің эмпирикалық материалы негізінде ежелгі түркі тіліндегі тәуелділік жалғауларының пайда болуы мен қолданылу сипаты анықталады. Нәтижесінде тәуелділік жалғауларының терең тамыры бар екендігі және гасырлар бойы өздерінің негізгі формалары мен қызметтерін сақтағаны анықталды. Негізгі тұжырымдар тәуелділік жалғауларының келесі мағынада қолданылатынын растайды: тәуелділік қатынастарды білдіру, объектілерді анықтау және нақтылау, грамматикалық сәйкестендіру. Бұл функциялар байланыстың үйлесімділігі мен дәлдігін қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады. Зерттеу нәтижелерінің маңыздылығы түркі тілдерінің эволюциясы мен олардың морфологиялық ерекшеліктерін түсінуді тереңдету болып табылады. Зерттеу сонымен қатар әлем тілдерінің дамуындағы жалпы тенденцияларды анықтай отырып, тарихи және салыстырмалы лингвистиканы одан әрі зерттеуге жаңа мүмкіншіліктерге жол ашады.

Кілт сөздер: посессивтілік, тәуелділік жалғаулары, руникалық жазу, праформа, синтетизм.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 Johanson L. *Turkic*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 1084 p.
- 2 Csato E. A., Johanson L. *The Northwestern Turkic (Kipchak) languages. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 370–391.
- 3 Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia. Studies in Language Companion Series*, 206. – Amsterdam: John Benjamins, 2019. – 405 p.
- 4 Сарткожаулы К. *Орхон ескерткіштерінің толық атласы: 1 том*. – Алматы: Қазақ кітабы, 2023. – 556 б.
- 5 Tekin T. *Makaleler I Altayistik*, haz. Emine Yılmaz ve Nurettin Demir. – Ankara: TDK Yayınları, 2023. – 320 p.
- 6 Дмитриев Н.К. *Тәуелділік санаты. Түркі тілдерінің салыстырмалы грамматикасы бойынша зерттеулер. Б. 2. Морфология*. – М.: АН СССР, 1956. – 335 б.
- 7 Ercilasun A. B. *Başlangıçtan Yirminci Yüzyıla Türk Dili Tarihi*. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2020. – 488 p.
- 8 Gabain A. V. *Eski Türkçenin Grameri*, çev. Mehmet Akalın. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2017. – 313 p.
- 9 Schaaik G. J. van. *The Oxford Turkish Grammar*. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 784 p.
- 10 Ergin M. *Türk Dil Bilgisi*. – İstanbul: Bayrak, 2020. – 407 p.

Материал 25.07.2024 баспаға түсті

Problems of origin and functioning of possessive affixes in Old Turkic language

A. Andirova¹, A. Kairzhanov¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan

This article explores the origin of possessive affixes in Old Turkic, focusing on their genetic connection to the common Turkic means of derivation. These affixes stand out from those in other languages due to their inherent inalienable properties of possession, reflecting the Turkic worldview of ancient times. The aim of this study is to analyze the origins and functions of possessive affixes in Old Turkic and their role in the grammatical system of the language. The analysis is conducted from a diachronic perspective using comparative-historical, comparative, and context-typological methods. Drawing on empirical material from runic inscriptions, the study examines the nature of the origin and function of possessive affixes in Old Turkic. The findings reveal that these affixes have deep Proto-Turkic roots and have maintained their basic forms and functions over the centuries. The study confirms the primary functions of possessive affixes: expressing possession, object identification and specification, and grammatical cohesion. These functions were crucial in ensuring coherent and accurate communication. The significance of this research lies in enhancing the understanding of the evolution of Turkic languages and their morphological features. Additionally, it opens new avenues for further exploration in historical and comparative linguistics, allowing for the identification of broader trends in the development of languages globally.

Key words: possession, possessive affixes, runic script, proto form, synthetism.

REFERENCES

- 1 Johanson, L. (2021). *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 2 Csato, E. A. and Johanson, L. (2020). *The Northwestern Turkic (Kipchak) languages. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford, Oxford University Press.
- 3 Johanson, L., Mazzitelli, L. F. and Nevskaya, I. (2019). *Possession in languages of Europe and North and Central Asia. Studies in Language Companion Series, 206*. Amsterdam, John Benjamins.
- 4 Sartkozhauly K. *Orkhon eskertkishterinin tolyk, atlası: 1 tom [Complete atlas of Orkhon monuments] (Almaty, 2023). [in Kazakh]*.
- 5 Tekin T. *Makaleler I Altayistik, haz. Emine Yılmaz ve Nurettin Demir [Articles I Altaistic, ed. Emine Yılmaz & Nurettin Demir] (Ankara, 2023). [in Turkish]*.
- 6 Dmitriev N.K. *Kategoriya prinadlezhnosti. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya [Category of possessiveness. Research on comparative grammar of Turkic languages. P. 2. Morphology] (Moscow, 1956). [in Russian]*.
- 7 Ercilasun A.B. *Başlangıçtan Yirminci Yüzyıla Türk Dili Tarihi [History of Turkic Language from the Beginning to the Twentieth Century] (Ankara, 2020). [in Turkish]*.
- 8 Gabain A.V. *Eski Türkçenin Grameri, çev. Mehmet Akalın [Grammar of Old Turkish, translated by Mehmet Akalın] (Ankara, 2017). [in Turkish]*.
- 9 Schaaik, G. J. van. (2020). *The Oxford Turkish Grammar*. Oxford, Oxford University Press.
- 10 Ergin M. *Türk Dil Bilgisi [Turkic Grammar] (İstanbul, 2020). [in Turkish]*.

Received: 25.07.2024